

Суперлунные истории

#сборник_horror

#том2

18+

Сборник

Суперлунные истории

Серия «#сборник_horror», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22563010
Суперлунные истории: Сборник рассказов: Союз писателей;
Новокузнецк; 2017
ISBN 978-5-00073-621-0*

Аннотация

Вторая книга серии ужасы в проекте модное издательство #Книга.

Опираясь на целый ряд трактовок, которыми наделяют понятие мистики современные толковые словари, можно без особого труда выстроить ее комплексное определение, из которого будет видно, что мистика (от греческого слова “mystikos” – таинственный) – это некая совершенно загадочная и необъяснимая область человеческой жизни, базирующаяся на вере в существование сверхъестественных, фантастических (в том числе – и инфернальных) сил.

В сборнике представлены рассказы, заставляющие читателя вздрагивать от скрипа двери, шагов кошки и открывшегося внезапно окна...

Рассказы в стиле классиков жанра ужасы (Стивена Кинга, Тима Бертона и Говарда Лавкрафта) с новыми

неожиданными сюжетами и классическими, полюбившимися приемами, заставляющими читать книгу все быстрее и быстрее и держащие нервы в постоянном напряжении, ждут Вас на страницах этого сборника.

Содержание

Юлия Беанна	5
Екатерина Белоусова	24
Александр	33
Анатолий Ехалов	40
Софья Курбатова	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Суперлунные истории

Сборник рассказов

Юлия Беанна
Родная

Улица встретила Лизу тёплыми объятиями. Шествующая из переулка в переулок весна уже преобразила округу, нарядив деревья в зеленые кафтаны и украсив их ветки бутонами. Сладостные ароматы танцевали в воздухе, сливались воедино, целовали друг друга взасос и стремглав являли миру причудливых детей – неопишуемые, ни с чем не сравнимые запахи. Бабочки кружились разноцветными бантиками, словно вплетаясь в лазурную гладь неба. А волшебница весна всё не могла уgomониться и неутомимо украшала свой бескрайний холст новыми и новыми мазками. В этом хороводе красок и запахов даже суетливые толпы людей казались Лизе более радостными и доброжелательными.

Запахи... Когда Лиза была малышкой, ей нравилось представлять, что каждый аромат имеет человеческий облик. Благовония, источаемые цветочными деревьями, – золото-волосые феи в кружевных платьицах. Запах булочек, доно-

сящийся из кондитерской, – дородный господин с пышной рыжей бородой. Были среди них и неприятные персоны – например, запах бензина. Тощий мужчина с синюшным лицом, хрипло покашливающий и периодически поправляющий ворсистый шарф. Или запах гари – высохшая от старости тётка со скрюченными обугленными пальцами. В особенно причудливом облике перед девочкой почему-то представал запах дождя – мальчик с выпученными бесцветными глазами, похлопывающий себя по животу. Когда он совершал очередной шлепок, раздавался стук падающих на дорогу капель. Иногда лицо мальчика выглядело ужасно опухшим, и казалось, что стоит лишь слегка надавить на кожу, как она лопнет, и оттуда потечёт вода.

Бабушка уверяла Лизу, что видеть во всём загадочные образы – совершенно нормально в её возрасте. Она рассказывала девочке, что много-много веков назад людей окружали настоящие феи, эльфы и даже чудовища. Когда же внучка начинала тревожно расспрашивать о чудовищах, бабушка улыбалась и говорила, что сейчас все они остались только на страницах сказок да в нашем воображении. И что барабанный по собственному брюху юнец никогда не откроет окно и не явит Лизе лупатые водянистые глаза.

Девушка закашлялась. В нос ей ударил разъедающий запах дыма. Кто-то поджёг мусорный бак рядом с подъездом.

Соседка по этажу уже неслась к баку с бутылкой, полной воды.

– Опять детвора хулиганит, – она наигранно засмеялась.

– Полицейских на них нету, – пробормотала Лиза и замачала рукой перед лицом. Вонь заскребла по гортани когтистым пальцем, добираясь до низа лёгких.

– Увижу, кто это делает, – вызову, – заверила соседка.

Лиза отворила дверь. Разулась, прошла в комнату и включила музыку. Радостные ритмы огласили маленькую квартиру. Девушка принялась пританцовывать и одновременно готовить еду. Вывалила на сковородку ломоть мяса, забросила в кастрюльку макароны. Растительное масло громко зашипело. Со стороны казалось, что мясо истекает слюной по самому себе. Как только по кухне начал распространяться мясной аромат, из комнаты выбежала кошка. Игриво мурлыкая, пушистое создание змеёй обвилось вокруг ног хозяйки.

– Ты моя маленькая, кушать хочешь. – Лиза присела на корточки и почесала зверька за ушком. – Скоро будет готово.

Любовь к кошкам Лиза впитала с молоком матери. И её мать, и бабушка были заядлыми кошатницами, так что девочка не помнила периода, чтобы по дому не сновали четвероногие друзья. Её немного расстраивало, когда котята выросли и переставали играть, ловя клубки ниток и собственные тени. Но и выросшие обленившиеся кошки радова-

ли её своей компанией. Мягкие, тёплые, убаюкивающе мурчащие. Пёстрые ангелы, оберегающие от всего дурного, отгоняющие плохие образы кругленькими лапками.

Пока жарилось мясо, начало смеркаться, и на стене проявились тёмно-серые силуэты, степенно покачивающиеся, потряхивающие лохматыми головами, глядящие на зелёные кроны деревьев за окном. Лиза задёрнула занавеску. Затем опустилась на стул и усадила на коленки кошку.

Мясо шкворчало и обволакивало аппетитным запахом кухню. Пробираясь сквозь щели дверей, аромат беззастенчиво влетал в соседские квартиры и, должно быть, поддразнивал их обитателей. За стенкой устало завывала старенькая болонка – то ли из-за разбуженного соседскими запахами голода, то ли из-за тоски по ещё не вернувшемуся домой хозяевам.

Лиза наглаживала пушистую любимицу, двигаясь от подбородка к загривку и обратно. Кошка же нюхала становившийся всё более вкусным воздух, и даже ласки хозяйки не могли полностью отвлечь её от ожидания кормления. Расширившиеся чёрные зрачки выискивали что-то на потолке, а ноздри хищно раздувались.

Мужчина с полными красными губами склонился над животным и, причмокивая, поднёс испещрённую красными ли-

ниями ладонь к её носу. Кошка облизнулась и рывком соскочила с колен хозяйки.

Лиза прищурилась и помотала головой.

– Сейчас, солнышко, – отрезав от куска мяса добрую половину, она положила её в миску. Зверёк подскочил к миске, приник к ней и застыл, словно изваяние. Только подрагивающее в такт работе челюстей тельце сейчас выдавало в кошке признаки живого существа.

– Мне бы твой аппетит, – Лиза лениво помяла вилкой свою порцию бифштекса и, недолго думая, угостила питомицу ещё одним внушительным куском.

Девушка хотела спать. Ей нужно было полностью выспаться, чтобы бодро встретить очередной унылый день.

День... Это самая настоящая иллюзия. Ночь тешится, накидывая на землю голубой платок. Ей нравится сдёргивать его и наблюдать, как планета исходит кровавым потом, сию секунду удержав пожигаемую мглой синеву. Играется, будто кошка с мышкой. Слушает звонкий плач птичек и улыбается. Сопротивление тщетно. Всё и вся – дети уродливой бесформенной матери, заживо погребённые в её чёрной утробе.

* * *

Веренице клиентов не виделось конца. Суетливые мамочки, держащие за ручки истеричных детей, прихорашиваю-

щиеся девушки, постоянно вытягивающие перед собой телефон, дабы в очередной раз запечатлеть кукольное личико, пожилые дородные дамы, придирчиво разглядывающие товар и ворча уходящие с пустыми руками. Лизе казалось, что она видит одни и те же лица. Слышит одни и те же голоса. Изо дня в день. Как дни пролетали мимо неё толпой братьев-близнецов, так и покупатели неслись табуном шальных, неразличимых внешне лошадей. Если бы числа поменялись местами, Лиза не заметила бы этого. И если бы вместо сегодняшних покупателей снова пришли вчерашние или прибыли из будущего завтрашние, девушка не ощутила бы разницы.

Голоса... Визгливые, надменные, требовательные. Стайкой шумных птиц покупательницы сгрудились вокруг вешалок, будто голуби, которым чья-то щедрая рука бросила горстку крошек. Особый ажиотаж происходил в отделе распродаж – десятки жадных ручонки сталкивались друг с другом, отдёргивались друг от друга, придирчиво мяли ткань, то и дело сдёргивали со штанги вешалки, примеряли кофточки и платья.

– Мам, я хочу домой! – верещал маленький мальчик, пуская слюни на обсосанный почти до палочки чупа-чупс.

– Сейчас, сына, только джинсики померяю! – отзывалась мать, разглядывая ценники с перечёркнутой фломастером ценой.

Толпа... Впервые Лиза сумела осознать её уродливость, ещё когда была ребёнком. Когда они с бабушкой возвращались с лесной прогулки, то проходили мимо железнодорожных путей. Обычно перрон не был забит людьми, и только пара-тройка пассажиров лениво слонялась по платформе, ожидая своего поезда. Но однажды, только приближаясь к железной дороге, Лиза увидела, что на перроне стоит много народа. Толпа растекалась по краю платформы роем пчёл, гудела и образовывала плотное кольцо, сквозь которое, казалось, не протиснется даже лучик света. Те, что стояли во втором и третьем рядах, силились увидеть то, должно быть, великолепное зрелище, что так манило собой людей, сумевших занять почётные передние места. Старики привставали на цыпочки, молодые подпрыгивали, дети вытягивали шейки и просили родителей приподнять их повыше. Бабушка сжала руку Лизы крепче и ускорила шаг.

– Мария Алексеевна, сколько лет, сколько зим! – окликнул её дребезжащий старческий голос. Бабушка нехотя обернулась, зачем-то прикрыв внучке рукой глаза.

– Любовь Ивановна, торопимся мы.

– Да тут стряслось-то что... Сто лет такого не было, – не унималась женщина.

Раздался спешный топот. Лиза сдвинула бабушкину руку с глаз и увидела поджарого старика, отделившегося от толпы. Стена из людей на секунду образовала провал, который

тотчас заполнился новым страждущим зрителем.

– Женщину... поезд... сбил... – промолвил старичок, с наслаждением растягивая каждое слово. В его взгляде читалось глубочайшее удовлетворение, смешанное с перевозбуждением. Расширенные зрачки сновали туда-сюда, изучали Лизу, бабушку, Любовь Ивановну и снова Лизу.

– Пойдём мы, мне варенье ещё доварить надо, – с ходу соврала бабушка Лизы.

– А почему сбил, Федь, не знаешь? – спросила Любовь Ивановна.

– Самоубийство. Любовь несчастная, все дела, – с придыханием ответил старик.

– На телефон себя девка снимала, какая любовь? – раздался голос откуда-то из правого края толпы.

– Пути переходила неудачно, – затараторила какая-то девушка из первого ряда.

– Что, Мария Алексеевна, даже смотреть не будешь? – Любовь Ивановна вылупила ничего не выражающие глаза.

– Люб, ну ты что? Внучка же увидит. Девочке... такое видеть... нежелательно. – Федя поморщился, как кот, только что объевшийся сметаны.

– С кредитами она не расплатилась! – раздался громкий злой голос слева. – Ипотеку брала, а муж к другой ушёл. Сама выплатить не могла. Ну вот и...

Лизе стало страшно. Страшно не от осознания того, что на путях сейчас лежит растерзанное поездом тело. Страшно

от наблюдения за этими людьми, за безумцами, глядящими в лицо самой смерти и устраивающими идиотские викторины. Если бы призом за правильный ответ была возможность спуститься на рельсы и оторвать кусочек плоти себе на память, бесспорно, они орали бы до хрипоты, будто дурные вороны.

А ещё именно тогда Лиза обратила внимание на тени. Будто вставшие на ходули чудища, они стояли позади толпы и взволнованно дрожали. Вдыхали невидимыми носами медный запах крови, разглядывали невидимыми глазами расплюснутые потроха. Насколько же они, должно быть, уродливы, если невозможно увидеть их лица?

Такое же чудовище свернулось и возле её собственных ног. Делающее вид, что дремлет. Изображающее покорную марионетку, тогда как на самом деле является кукловодом. Лиза знала: стоит только отвернуться, как тень начнёт строить безобразные гримасы, размахивать руками, беззвучно топать. Тогда Лиза начала прыгать, тщетно думая, что растопчет чёрную уродливую гадину. Но всякий раз длинноногая химера хватала её за ножки и притягивала к себе. В гуле обезумевшей толпы, в вое подъехавших к железнодорожным путям скорых, в карканье учуявших свежую мертвечину ворон слышалась её победоносная песня.

– Девушка, у вас нету похожего платья? Только чтобы с аппликацией? – нетерпеливо спросила очередная клиентка.

– Нету, такого фасона только однотонные.

– В однотонном мне не то. Понимаете, я хочу ну чтобы что-то яркое.

– Да, я вас понимаю. Но с аппликациями таких платьев сейчас нету. Я могу уточнить у менеджера, когда привезут.

– Да-да, будьте добры. Понимаете, в этом я выгляжу бледно. Мне надо, чтобы было ярко. Иначе я как тень.

Лиза улыбнулась, стараясь, чтобы дежурное выражение лица не смотрелось измученным. «Запомните, Лизавета, – никогда не убирайте улыбку в карман», – постоянно повторяла её начальница, радуясь столь удачно придуманной фразе.

Люди даже не понимают, что они на самом деле тени. Что, начиная с рождения, тени вьются над ними стервятниками, рассекают кривыми клювами кожу и посасывают кровь. Выводят птенчиков в гнёздышке из рёбер, высланном кровянистым мхом. Тучные птенцы с раздувшимися брюхами восседают внутри их тел, ожидая своего великого праздника – вылета из гнезда. И, наконец высвободившись, летят под крыло уродливой мамочки, греясь под мириадами её обжигающих бриллиантовых глаз.

* * *

Кошка встретила Лизу требовательным мяуканьем. Как

всегда, голодная. Как всегда, соскучившаяся. А может, просто напуганная?

– Дашутка ты моя, Дашутка... – Лиза наклонилась и погладила дрожащее от нетерпения животное.

Чёрно-серый комок, ползающий по полу, недовольно скривился, наблюдая за этими нежностями.

– Сейчас мяско пожарю, – нараспев произнесла девушка. – А пока кусочек рыбки доешь, – добавила она нарочито громко.

Приоткрыла дверцу холодильника, стараясь не смотреть вниз. Хотя, смотри не смотри, – всё равно не спасёшься.

– Так, а сейчас будет музыка! – Лиза нажала на кнопку приёмника. Принялась пританцовывать и подпевать. Приподняла кошку за передние лапки и, смеясь, стала их тормошить. Внезапные занятия танцами явно не понравились Дашутке, и она издала звук, похожий на рычание.

– Львица ты моя... – Лиза выпустила из рук кошачьи лапы и посмотрела на стену.

Серые силуэты деревьев отчаянно плясали в такт с играющей музыкой, трясли кучерявыми головами, дёргали тощими ручками. Лиза набрала в грудь побольше воздуха и взглянула на пол.

Женская фигура, ещё несколько секунд назад исполнявшая залихватский танец, замерла и наклонила голову.

Лиза присела на скамейку. Краска скамейки растрескалась, растеклась по деревянному телу огромными морщинами. Девушка вгляделась в свои ноги – почему-то на них красовались детские туфли с бантиками. Справа кто-то тяжело вздохнул. Лиза повернула голову и увидела бабушку, лузгающую семечки и размышляющую о чём-то, что знает только она сама.

– Лизонька, ты её не бойся, – голос бабушки был булькающим и в то же время совершенно глухим. – Даже если будешь бояться – а что изменится? Она всегда рядом. Она же родная.

– Баб, – неожиданно для себя пропищала Лиза детским фальцетом. – Она ведь меня не убьёт?

– Хмм... – бабушка запустила в рот пригоршню очищенных семечек.

– Баааб... – девочка заметила, что лицо бабушки скрыто волосами.

– Ох, как она меня обсасывала... – та сладострастно причмокнула. – Когда закопали меня, думаю, лежать буду тихо. Ан нет – склонилась надо мной, волосами чёрными щекочет, слюнями вонючими обливает. И червяки изо рта... ползут, ползут. А потом как присосалась, как начала руки-ноги обглаживать...

Бабушкина рука коснулась Лизиного плеча. Прохладные костяшки запястья сжали атласную кожу.

– Баааааб! – завизжала Лиза.

Тут наконец бабушка повернулась и вперила во внуку безумные чёрные глаза без радужной оболочки.

– Ты, внученька, прости. Не хочу пугать тебя, но и правду знать ты должна. Ох, узнаешь ты однажды, как она грызёт, ох, узнаешь.

В беззубом рту старушки зашевелилась чёрная пузырящаяся масса.

– Ты её съела?! – Лиза забарабанила пальчиками по скамейке.

– Да разве ж съешь её? – бабушка гомерически захохотала. – Сама заползла. Вот уже и деток в животике моём вырастила, – она распахнула сарафан и продемонстрировала вываливающиеся внутренности.

– Ты же говорила, что не стоит бояться образов!

– Не знала я тогда многого. Помрёшь – всё узнаешь...

Запах пригоревшего бифштекса защекотал ноздри. Мужчина с полнокровными губами громко причмокнул над ухом Лизы. Она открыла глаза и обнаружила себя лежащей на диване.

Когда умерла бабушка, взрослые рассказывали Лизе, что её забрали в мир теней. Это произносилось настолько спокойным тоном, что Лиза даже слегка разуверилась в бояз-

ни этих ходячих клякс, насмешливо копирующих человеческие телодвижения. Ей вдруг представились наряженные в чёрное степенные дамы, которые уводят бабушку в увитый плющом домик и усаживают за стол, заставленный вкусными яствами. Представилось, что сбоку от бабушки восседает призрачный дедушка и рассказывает весёлые истории из своей призрачной жизни. Что о её ноги трутся призрачные кошки, выклянчивая вкусные кусочки со стола. Конечно, девочка понимала, что дамы в чёрном весьма строги и уже не отпустят бабушку обратно. Даже ненадолго погостить. И Лиза пыталась радоваться за бабушку, пыталась не давать слезинкам скатываться со щёк. Ведь в мире теней, возможно, всё не настолько плохо.

Вот только являющаяся во снах бабушка ни словом не обмолвилась об уютном доме, в котором вновь повстречала дедушку. Не обмолвилась о ласковой рыжей Мурке, об одноухом разбойнике Барсике, о загрызенном собакой Кузьке. Бабушка плакала, рассказывала, что грызут её, грызут. Что, думала, будет лежать под землёй спокойно, ан нет – склоняются над ней чудища бесформенные и пустыми чёрными глазами пялятся. И языками змеиными огромные рты облилизывают. Что сначала пальцы её посасывали да кожу на теле облизывали. А потом рты разинули и мясо отгрызать начали. Что, как ни кричи, не услышит никто, только чудища, утирая склизкую слюну, похихикивать будут. Рассказывала

бабушка, что горе – облачённой в плоть родиться, что нету ни света, ни жизни, всё это – иллюзия, людьми созданная. Трусливыми, никчёмными людьми, от лица тьмы прячущимися. И рыдала, рыдала бабушка, а из глаз вместе со слезами чёрные червяки вываливались.

* * *

Следующий день выдался спокойным. Шумных клиенток практически не было, и если и заходили желающие приодеться дамы, то они вели себя тихо. Рассматривали платья, вежливо спрашивали, где примерочная, не суется, примеряли.

– Похоже, дождь всех разогнал, – напарница Лизы вдавила своё увесистое тело в стойку с кассой.

– Наверное... – Лиза опёрлась подбородком о кулак и посмотрела вдаль, как будто хотела разглядеть сквозь оштукатуренную стену то, что происходило на улице.

– Ну так я недорассказала тебе вчера. Вылечили мы наших рыбок-то. – Напарница повернулась, заставив стойку угрожающе скрипнуть.

– А, да? Вылечили? – Лиза силилась, но не могла вспомнить вчерашних разговоров. Она вообще редко запоминала, что говорят ей люди.

– Думали, зараза какая. Ну вот, а Саша вычитал, что труп просифонить надо...

– Что просифонить?

– Грунт, говорю, просифонить. Они же не доедают обычно, и мусор в грунте скапливается. Ну и портится вода.

– Понятно...

– Ну вот и просифонил он дно. Вода прям разом просветлела, и рыбы живей плавать стали. А то бледные какие-то были, вялые. Прям как тени...

– Ну хорошо, что разобрались со своим аквариумом... – Лиза опустила голову вниз. Уродливое серое существо улеглось у стойки и живо закивало в такт её словам.

Улица была настроена хмуро и встретила Лизу отнюдь не радушно. Объятия её были прохладными, а колючие мокрые пальчики щекотали до мурашек. Опившиеся небом лужи хлюпали под ногами, выворачивая наизнанку бурые утробы. Пустые глаза домов слезились, оплакивали тонущие улицы. Дождь долбил по листве, податливо склонившей промокшие головы и всхлипывающей от обрушивающейся канонады ударов. Суетливые прохожие прятались под зонтиками, вприпрыжку пересекали потоки клокочущей воды. Издалека они казались мошкаррой, придавленной струящейся пеленой.

Если призадуматься, чаяния весны тщетны. Каждый год эта чародейка подготавливает природу к ослепительному карнавалу столь трепетно, будто созданное великолепие продержится до конца времён. Но каждый раз худошавая дама в рыжем парике скептически поджигает губы, огляды-

вая проделки своей соперницы. И, недолго думая, иссушивает листву обжигающим дыханием. Распахивает жёлтые совиные глаза, вскрикивает и распугивает щебечущих птиц.

Осень... пожалуй, единственный период, когда мы можем услышать тени. «Шурх-шурх-шурх», – твердят пожухлые листья, съёживаясь под их ногами. Чёрные девушки кружатся хороводом, их чёрные женихи бродят по улицам, разгребая длинными вытянутыми ногами наваленную в кучи листву. Чёрные большеголовые карлики бегают наперегонки, играют в прятки, раскачиваются на оголившихся ветках. Срывают уцелевшие листочки, сминают их в уродливых кулаках, спрыгивают вниз, поднимая вокруг оглушительный шорох.

Лужа, разлégшаяся справа от Лизы, захрюкала и ощерила грязную пасть. Крохотная ножка, обутая в розовый сапожок, без тени страха лупила её по искорёживающейся серой морде.

– Катя, хватит баловаться! – приказала женщина и отвела девочку в сторону.

Лужа наморщила лоб и принялась пускать изо рта мутные пузыри.

– Говорит, что у неё вкусные ножки, – мальчик с водянистыми глазами воззрился на Лизу. Его голос был булькающим, как у говорящей рыбки из мультика.

Лиза посмотрела на светофор и мысленно взмолилась, чтобы поскорей зажёгся красный.

– Такие ножки просто счастье обглаживать. Ммм... – мальчик упорно долбил себя в живот. Брюхо издавало чавкающий звук, как если бы внутри него помещался пакет, наполненный водой.

– Ой-ой-ой! – заверещала девочка и схватилась за ногу.

– Говорила же, отойди от лужи! – прорычала мать. – Под ними же ямы бывают, упасть можешь.

– Только укусила, а воплей-то сколько! – мальчик залился визгливым смехом. – Что же она скажет, когда чёрные сестрички её кушать начнут?

Светофор подмигнул жёлтым глазом и в следующее мгновение загорелся красным. Лиза выбежала на шоссе, не оглядываясь по сторонам.

– А тех, кто боится, кушать всегда интересней! – пропел мальчик и изо всех сил ударил по брюху. Оно лопнуло и растеклось по тротуару грязной пенящейся жижей.

Визг вылетевшей из-за поворота машины слился с грохотом пустой бутылки, подгоняемой ошалелым ветром. Лужи у бордюра зачавкали, хлебая втекающую в них багровую воду.

– Пьянь разъездилась, – буркнул старик в клетчатой кепке.

– Полицейских на них нет, – вторила ему женщина с пузатыми пакетами.

– А может, самоубийство? – прогнусила светловолосая девушка, одной рукой прижимающая к себе собачку, а другой удерживающая цветастый зонт.

– Скорую, скорую! – заохала бабушка, прикрыв ладонью глаза внучке.

– Да какая тут скорая, тут уже... – старик махнул рукой.

– Я буду свидетельницей, – женщина опустила пакеты на тротуар.

– Господи, господи. – Бабушка картинно схватилась за сердце. – Внученька, не вздумай смотреть.

Блондинка переложила зонт под мышку, достала телефон и сделала несколько кадров.

Облака почтительно расступились, пропуская солнце. На тротуар начали выбираться тени. Съездившиеся и побледневшие, они расползались по земле, отогревая уродливые змеиные тела.

Следующим утром уборщик оттирал с асфальта запёкшуюся кровь. Механически смывал алые разводы, попутно думая о том, мобильный какой марки лучше купить сыну. Размышлял, нужно ли покупать жене новый сарафан или обойдётся старым. Задумчиво морщился, подсчитывая предположительные расходы.

Приземистый чёрный монстр топтался на шоссе и благоговейно слизывал пахнущее медью лакомство.

Екатерина Белоусова

Ночная встреча

Олег наслаждался тихим семейным вечером. После вкусного ужина можно было не торопясь выпить чаю, выкурить сигаретку-другую и почитать книгу в любимом кресле. Или посмотреть с женой какой-нибудь фильм. Наташа была беременна, дохаживала последние недели и поэтому много и вкусно готовила, наводила порядок и уют в доме, «вила гнездо». Олег, по молодости нервный и чувствительный парень, теперь располнел, стал спокойнее и добрее. Такая жизнь была ему по душе. О том, что он бывший охотник, напоминал лишь именной нож. Билет был давно сдан в общество. На порубочном талоне Олега значилось достойное число 44. Ради Наташи он нашёл дом в спокойной деревне, общество завершило, что даже намёка на «этих» здесь быть не может. Район был полностью очищен сорок два года назад.

Стук в дверь раздался неожиданно, когда Олег уже устроился на диванчике перед экраном, а Наташа прилегла рядом, со всех сторон обложившись подушками. Лениво поднявшись, Олег пошёл открывать. «Вот носит их по ночам» — мысли тоже текли вяло.

Пётр был уже на исходе силы, когда встретил Вику, такую

красивую, молодую, с отличными инстинктами и нерастроченной жадой. Пётр знал правила и жил по правилам. Он всегда был предельно осторожен. Это и позволило ему за всё время не попасться на глаза охотникам. Филиал общества свернули, когда Пете было девять лет. Родители погибли, он отвыл своё в детдоме, вышел, вырос, выжил. Вика приехала в их городок из Москвы и привезла с собой безнаказанность и беспринципность в теле брюнетки с отличной фигурой.

Дача Петра в надёжно заброшенном кооперативе не привлекала Вику. Парков в их городе не было, так что Вика уговорила ехать в лес в пятнадцати километрах от города. И, к сожалению, в ста метрах от жилой деревни.

Олег открыл дверь, его обдало прохладой и сыростью сентябрьской ночи. Он поёжился и закашлялся. Нос уже был заложен, не хватало еще разболеться. Олег снял с крючка у двери куртку и вышел на крыльцо. Лампочку пора заменить. В тусклом свете рассмотрел невысокого мужчину лет пятидесяти. Одет он был добротно: хорошо сшитое полупальто, кашне, фетровая кепка. В руках мужчина крепко сжимал барсетку.

Пётр никогда никого не пускал за руль своего любимого верного серого «Фольксвагена». Но Вика упросила, и вот он трусит в деревню, чтоб кто-нибудь выдернул завязшую машину. Драгоценная ночь пролетает мимо него, а сколько еще

ночей отведено старому Волку?

Когда дверь открыли, Пётр обомлел. Западня. И чтоб выбраться, дёргаться и рычать бесполезно.

– Прошу прощения за тревогу... Прошу прощения, что потревожил в такое время, – торопливо начал незнакомец, – я застрял в лесу. Машина завязла. Днём проехал нормально, а как стемнело, я обратно, и застрял.

– Далеко? – обречённо спросил Олег.

– Не очень. Километра полтора.

Народ обожает ездить в этот лес: тут тебе и грибы, и ягоды, и Волга с рыбой недалеко. Только чтоб наверняка вернуться с добычей, ехать надо после хороших дождей. Ну а если вдруг застрянешь, ничего, деревня у леса жилая, и «УА-Зики» народ держит, и «Нивы». У Олега была «Нива». Она стояла прямо у дома, за забором из сетки, на виду у всех. И счёт спасённых любителей даров природы пошёл уже на третий десяток за третий год, как они с Наташей купили дом.

«Попал. Потерял нюх. Сам пришел в лапы к убийце. Такой ни перед чем не остановится. На лбу написано, скольких наших он порубил», – думал Пётр. Но уходить было поздно. Хитрый, с виду и не скажешь, что охотник, да только Пётр хорошо помнит запах их ножей, сорок два года назад мелькавших в лесах, как молнии. «Хитрый, а и я не лыком шит. Требовать помощь!» – проскочила спасительная мысль.

– Помогите, – напряжённно попросил мужчина.

– Подождите минуту, – ответил Олег.

Он зашёл в дом, взял сумку, мобильник.

– Ты куда? – спросила Наташа, поглаживая живот.

– Да опять застряли в лесу.

– Что ж до ночи в лесу сидеть? Да и бензина мало, ты же говорил, что не заправился. Скажи, что не поедешь.

– Да уже ждёт человек. Мне действительно не хочется ехать. Но там, вроде, недалеко. Я быстро.

Олег и сам ругал себя за излишнюю мягкотелость. Он вышел на улицу. Мужчина стоял на крыльце, всё так же вцепившись в барсетку и ожидающе глядя. Олег вздохнул:

– Ну поехали.

Машина не успела сильно остыть, но стёкла запотевали. Олег погрел двигатель пару минут. Открыл ворота. Незнакомец почему-то стоял у пассажирской дверцы, не садился. Олег открыл дверь:

– Садитесь. Поехали.

Мужчина сел. Они поехали. Стекло было опущено. На свежем воздухе нос задышал. Запахи дома, еды, сигарет ушли, уступив место самому нежеланному, самому душному для Олега запаху – мокрой псины.

«Болван. Расчувствовавшийся кретин. Совсем нюх потерял. Оборотень зовет тебя в лес в полнолуние, и ты едешь. Придурок», – костерил себя Олег. Он зашарил рукой по кар-

манам. Нет, сигареты он забыл дома. Зато нож при нём. Его наличие всегда успокаивает. Выехали за деревню, повернули на дорогу, ведущую через мелколесье. Луна ярко и настойчиво засветила в левый глаз. Она была полная, полнее некуда.

Ощущения душили разум, как куски грязной свалявшейся шерсти, мельтешили, но Олег пытался взять себя в руки. Когда говоришь, становится спокойнее. Как будто сдвигаешь возможное развитие событий в плоскость слов.

– Рыба? – вопрос Олега прозвучал хриловато, но, вроде, спокойно.

– А? – напрягся спутник ещё больше.

– За рыбой ездили?

– А, нет... – усмехнулся, расслабившись, мужчина. – Грибы.

– И много набрали?

– Мало, – мужчина всматривался в темноту за пассажирским окошком.

«Хорошо притворяется, гад. Как будто и впрямь переживает. Только бы Вика не подвела. Только б почуяла тревогу. Горячая, не битая жизнью. Любимая...» – Пётр ловил два отсвета, два диких огонька за стеклом.

Разговор не клеился. Олег почувствовал головокружение. Ему не удавалось взять ход событий в свои руки. Ленивая

неспешность, накопившаяся за последние годы, которой так наслаждался Олег, улетучилась. Он снова чуял «их», он видел. И он дрожал. «Только бы не вспотеть», – подумал, застегивая молнию на куртке до подбородка. Так. Он согласился помочь и сам пригласил сесть в машину. Теперь надо мобилизоваться, следить за словами и реакциями, глубоко дышать.

«Но возраст! Они же все к полтиннику по своим углам сидят, по дачам и усадьбам. В больших городах, конечно, всякое бывает, но здесь...» Дорога изгибалась. Луна теперь висела прямо впереди, ухмыляясь в лицо Олегу. Мужчина тоже глянул на луну, прищурился, кашлянул отрывисто и снова уставился в сторону.

– Далеко ещё?

– Да нет... А вот она, – пассажир махнул в сторону заднего сиденья, осветившегося фарами.

Олег остановил «Ниву». Седан, вроде, и правда застрял одним колесом в луже. Мужчина выскочил. Достал ключи, пикнул сигналкой. Что это? Показалось? Заячья лапка в качестве брелока?! Ну это просто наглость. Открыл багажник, достал трос, пошел цеплять. Грибы, ага. Багажник пустой. Ни корзинки, ни пакета. И что, он так задом и ехал из леса? На Олега надвигалась истерика. Но этот вовремя залез в свою машину, завёлся.

– Нейтралку включи, – крикнул Олег, приоткрыв дверь.

«Старый кобель! Так глупо палиться! С ними всегда надо быть наготове. Со всеми надо вести себя так, как будто перед тобой охотник. Всегда. Надо было хоть пустую корзинку кинуть в багажник. Или не говорить про грибы, – судорожно думал Пётр, сидя за рулём своей машины. – Если выживу, амулет этот херов сразу сожгу».

Что-то мелькнуло в траве. Олег резко захлопнул дверь. Защёлкнул замок, хотя через минуту он бы закрылся сам.

И поднял стекло. Этот тип тоже закрыл свою дверь. Олег включил пониженную и потянул. Машина поддалась сразу и выкатилась так плавно, как будто и не сидела в луже.

Бывший пассажир подошел к «Ниве». Олег немного опустил стекло. Он помог, теперь уже можно было не бояться. Вроде. Но работают ли правила для сумасшедших волков? Мужчина полез в барсетку. Это нормально, это хорошо. Оружия они не носят. Их сила при них, особенно в такую ночь. Страшно было бы, если б он скинул одежду.

– Вы помогли. Что я вам должен? – спросил мужчина, и было явно, что слова ему неприятны и даются с трудом. Он говорил так, как надо.

– Денег не надо, – Олег приободрился. – А сигареты есть? – решил пошутить он.

– Не курю, – с укором ответил оборотень, не оценив шутки.

– Тогда ничего. Рад, что помог, – не без ехидцы ответил

Олег и начал поднимать стекло.

– Стойте, – отчаянно воскликнул мужчина. – Я вам место для разворота поищу. Ладно?

– Ладно, – Олег понимал, что не стоит оставлять оборотня в должниках. Тем более, кто-то ещё тут был.

Мужчина на удивление быстро бегал даже в человеческом облике. Через пару секунд он уже говорил Олегу:

– Метров восемьдесят назад и налево, там съезд в поле хороший. Я посвечу.

Олег ехал задом, следя за светом от фонарика, и думал: «Это он мне за издёвку с сигаретами. Напоследок напомнить решил, кто в лесах хозяин. Тот, кто видит в темноте и бежит как... как волк». Ну вот и разворот.

«Нива» гнала, насколько позволяла дорога. В расчёте. Фонарик погас, как только Олег выровнял машину.

Дома охотник первым делом хлопнул коньяка. Потом пошёл к Наташе. Она задремала у телевизора.

– О, ты действительно быстро, – обрадовалась она. – Хочу комедию. Или мелодраму.

Пётр стоял, опершись о капот. «Смог. Жив. Чудо, снова чудо», – думал он. – Кто же он? Почему не попытался, даже когда заметил Вику?» – для Петра это был ребус. Если есть охотник, и у него есть нож, Волка обычно нет. «Разнюхивал. Или пожалел старого», – решил Пётр. У ног терлась молодая волчица.

– Ах ты сука! – Пётр схватил её за шкирку и тряханул. В ответ она заскулила, увернулась и удрала за машину. Когда они ехали обратно, Пётр повторял:

– Никогда, слышишь, никогда не показывайся людям на глаза, когда ты зверь. Ты могла угробить нас обоих. Он охотник. И мог расценить твою выходку как прямую угрозу. И так грань слишком тонка.

– Я всё поняла. Всё запомнила. Я запомнила охотника, – красивая брюнетка в плаще на голое тело прижалась щекой к его предплечью, вдохнула свой любимый запах, – но, согласись, он как будто напрашивался. Так потел!

Она его не жалела. И не считала старым. Пётр зыркнул на неё исподлобья. Девушка улыбалась.

– Набегалась? – спросил он, добрея.

– Нет. Завтра ещё поедем.

Александр Гончаров Костер

(по мотивам вселенной S.T.A.L.K.E.R.)

Ночь в Чернобыльской зоне полного отчуждения... Это время, когда просыпаются одни из самых страшных мутантов, химеры. Но даже они не осмеливались подойти к горящему ночью костру, вокруг которого собрались сталкеры.

Самым старшим и опытным из них был ветеран из клана Свобода. Его звали Петровичем. Он взялся обучать новичков. С ним был его напарник Хохол. Нет, Хохол не был украинцем, просто прозвище привязалось к нему еще во времена, когда Меченый отключил Выжигатель мозгов.

Пока разгорался костер, Петрович с Хохлом оценивающе осматривали новичков. Ближе всего к ветеранам сидел Шпала, худой и длинный парень двадцати пяти лет. По его виду понятно, почему он получил свое прозвище. Следующим был Вуди. Свое прозвище он получил, так как напоминал знаменитого дятла. Третьим был Прапор. Он получил прозвище из-за постоянного повторения фразы «Ё-мое». Как один из прапорщиков в сериале про военных.

Рассевшись вокруг костра поудобнее, сталкеры взялись за

еду.

– Петрович, скажите, а вы много знаете историй про Зону? – вдруг подал голос Вуди.

– А что, захотелось страшилок на ночь послушать?

– Можно и так сказать, просто интересно знать, а то люди говорят, что с легендами Зоны знакомы. А я даже толком и обучение не прошёл.

– А вы что скажете? Готовы слушать?

– Да, – практически одновременно ответили Шпала и Прапор.

– Ну что же, вот вам история....

* * *

Это было несколько лет назад. Я тогда был совсем молодым. Шел как-то в бар «Три сталкера», где заведовал Клон. Смеркалось. Решив сойти с дороги и устроиться на ночлег, развел костер, разложил все нужные вещи. Спальник я постелил поближе к костру, но так, чтобы на него не попали горячие искры. Перекусив макаронами с тушенкой и запив все это горячим чаем, я стал укладываться. Автомат я оставил под рукой. Не успел я занять спальник, как к костру вышел контролер.... Я вскинул оружие, но так и остановился, не успев даже прицелиться.

– Подожди, сталкер, я пришел с миром, – неожиданно сорвалось с губ мутанта. – Хочу предупредить тебя, чтобы ты

не выходил этой ночью за пределы круга, освещенного костром.

– Это еще почему?

– Сегодня их время....

– Чье «их»?

– Мертвых....

Не закончив фразу, он просто исчез в темноте. Спустя несколько минут, когда смог-таки избавиться от сковавшего меня страха, я постарался успокоиться и подтянул свой «энфилд» поближе к себе. Так и не поняв, о чем говорил контролер, я провалился в сон.... Разбудил меня громкий скрежет, будто ногти по классной доске. Был час ночи. Вскочив и оглядевшись, увидел фигуру, а потом еще одну, и еще... Когда присмотрелся, к горлу подкатил ком... В обступавших меня силуэтах я с ужасом узнавал друзей, которые погибли при исполнении в Чечне и Афгане. Были здесь и те, кто стал моим другом на территории Чернобыльской аномальной зоны. Были тут и Псих, и Крест, и Клоун. Псих погиб два года назад в Воронке, Креста загрыз медведь-мутант, а Клоун умер почти на работе, в аномалии Цирк, что на Затоне.

– Пошли с нами, Петрович, – голос Клоуна разрезал тишину. – Будь с нами.

Я ничего не ответил.

– Пойдем с нами брат, – сказал Крест тихо. – Помоги нам...

– Нет, я не могу, – отрезал я, с трудом сохраняя рассудок.

Призрак переменялся в лице, его очертания стали более резкими. В руке Психа что-то блеснуло... Это было лезвие, то самое, с которым Псих никогда не расставался... Он метнул его в меня. Неужели мне конец?! Но лезвие растаяло в воздухе, стоило ему пройти в освещенный костром круг. Призраки обступили костер со страшными гримасами на лицах. Мне показалось, что вокруг меня что-то вроде кокона, за пределами которого души моих друзей и знакомых.

– Никита, пожалуйста, помоги мне, помоги, – донеслось из-за спины.

Знакомый голос... Обернувшись, я увидел ее... Настю, девушку, которую я любил со школы. Мы вместе ходили на уроки, а потом и на пары в университете. Все рухнуло в один день. Автобус, который вез нас на учебу, попал в аварию. Он перевернулся несколько раз и встал вверх колесами. Я отделался легким сотрясением и вывихом плеча, но вот Настя... На ней не было живого места. Как оказалось позже, у нее были переломы обеих ног и тяжелое сотрясение мозга. Врачи пытались ее спасти, но все тщетно, на третий день она скончалась. И вот я снова вижу ее, спустя столько лет... Я поначалу кинулся к ней, но осознал, что она мертва, а передо мной призрак. И если бы я сорвался, то пиши пропало. Каюк был бы вашему Петровичу.

А до рассвета еще три часа... И эти три часа мне придется провести, балансируя на грани. Ну и перспектива... Но жить-то хочется! Дотянуть бы до утра, сохранив свой рассу-

док. Я так и не понял, почему вновь и вновь видел, как они погибают, и слышал их крики о помощи.

Мне казалось, что не переживу эту ночь. Я закрыл глаза и заткнул уши, чтобы не слышать и не видеть их.

Сколько это продолжалось, не знаю. Очнулся оттого, что на плечо мне легла чья-то тяжелая рука, вернувшая меня в реальность. Открыв глаза, я обернулся, готовый увидеть все что угодно. Но увидел того самого контролера, который забрел ко мне вчера вечером. Сказать, что я был удивлен, – значит, не сказать ничего. Я до сих пор не мог понять, что было реально, а что нет. Даже мутант, стоящий передо мной, казался частью творившегося здесь ужаса. Хотелось задуть его собственными руками, но тело не слушалось. Его слова вернули меня в действительность.

– Ты справился, поздравляю, не многие выдерживали эту ночь.

– Спасибо, конечно. А это не ты вытащил их из моего мозга?!

– Нет.

– Но как тогда?!

– Это Зона. Если она хочет проверить тебя, то делает это в такие ночи. Если ты проходишь проверку, то получаешь ее благословение.

– И сколько людей прошло такую проверку?

– Двое. Ты и я. Но меня Зона сразу забрала к себе.

– То есть сделала контролером?

– Да, но я предпочитаю называться псиоником. А теперь прощай, сталкер, мне пора, но мы еще встретимся. Я вернусь, когда появятся новые кандидаты на проверку...

С этими словами мутант растворился в отступающей темноте.

* * *

– И что, это правда? – дрожащим голосом произнес Пратор.

– А как ты сам думаешь?

– Мне кажется, это просто байка, придуманная для устрашения.

– И, тем не менее, это правда, – раздалось из-за спины.

Молодежь резко похватила оружие. Позади них, на границе света, стоял контролер.

– Ну, здравствуй. Ты снова пришел ко мне, кто теперь кандидат?

– Здравствуй, кандидатов нет, я пришел за тобой. Ты нужен Зоне.

– Она решила забрать меня?

– Да.

Петрович ушел в ночь. Долго еще смотрели сталкеры, как старый свободовец удалялся от костра вместе с контролером.

С тех пор люди встречали псионика в старом камуфляже. Если и ты увидишь его ночью, то считай, что тебя выбрала

Зона...

Анатолий Ехалов

Танька

Теперь этой школы нет. Деревянная двухэтажная, она стояла отдельно от деревни в еловых аллеях, которые обозначают и поныне бывшее школьное гнездовье.

Наверное, для многих выпускников место это притягательно и связано со многими счастливыми переживаниями, потому что будит детскую память. А школьный сад! Сколько проведено в него дерзких вылазок за яблоками, не успевшими еще набрать спелости, за вишней, малиной...

В нем разыгрывались сражения, проходили первые романтические свидания.

Но все это не для меня.

Нашей семье какое-то время приходилось жить в этой школе, занимая маленькую квартирку при ней.

Я еще не ходил в школу, но у меня уже завелись друзья-школьники.

И вот как-то новый мой дружок, третьеклассник Толька Голубев, спросил как бы между прочим:

– К вам ночью Танька Манина еще не приходила?

– Какая Танька? – удивился я.

– А ты чего, не знаешь? – в свою очередь удивился он. – Она тут часто по чердаку ходит и по крыше лазит...

Я похолодел:

– А чего ей тут надо?

– Это она Эдика ищет... Она влюбилась в него, вот и бегала за ним. У нее с головой неладно было.

Я знал, что Эдик был взрослым сыном нашей учительницы. Они жили в школе до нас, а потом уехали в деревню. Но про Таньку слышал впервые.

– Вот она бегала за ним, а потом пропала. Все лето ее искали. Потом уже осенью стали печки топить, а дым не идет.

Послали завхоза посмотреть, не свила ли галка гнезда в трубе.

Вот Панфилов полез на крышу, сунул руку в трубу, а там... нога... Танькина. Она уже осклизлая была. Целое лето в трубе провисела. Это она искала Эдика.

– Вон-вон, смотри, вон эта труба, – Толька показал пальцем на трубу, которая казалась новее остальных...

Эта история потрясла меня и так запала в душу, что я ни о чем другом думать не мог.

С обеда классы пусты, ученики и учителя расходились по домам, и я оставался один с родителями в этом, как казалось мне тогда, огромном здании. Родители мои были молоды, по вечерам они старались уложить меня спать и, как я потом узнал, уходили в деревню в кино или на танцы.

Однажды я проснулся в своей кровати. Было темно и тихо.

Я позвал мать, потом позвал отца. Но никто не отозвался.

Я снова позвал в надежде, что они меня просто не услышали.

Комнаты ответили мне зловещей тишиной.

Я сел в кровати и стал мучительно вслушиваться в тишину.

Страх пополз у меня по загривку, спустился по шее и пополз по спине. Я был один. В темноте, в неизвестности.

В это время под крышей дома что-то стукнуло. Я похолодел. Мне послышалось, что по чердаку кто-то осторожно ходит. Не смея пошевелиться, я ждал... Но вот еще что-то стукнуло, потом заскрипела лестница...

Я слышал шаги по коридору. Они направлялись к нашим дверям.

От ужаса я окаменел. Этот страх лишил меня воли и способности действовать: кричать, бежать, прятаться.

Я весь превратился в слух. Сердце мое отчаянно колотилось. Оно стучало в ушах, в груди, в голове и пятках. Но стук его не смог перекрыть осторожный шорох за дверью. Затем дверь дернулась.

– Это она! – пронеслось в моей голове. – Она пришла, Танька!

И тут я преодолел оцепенение, закрыл ладошками уши, чтобы ничего не слышать и не видеть, и заорал что есть мочи.

Не знаю, сколько я орал, но наконец я увидел, что по окнам шарит луч фонарика, а вслед за этим стукнула входная дверь.

Через минуту на пороге появились встревоженные родители. Я рухнул на кровать и зарыдал...

Разговоры о странных звуках, испугавших меня ночью, расползлись по всей школе. Взрослые многозначительно переглядывались и молчали, а моя мать с этого времени перестала по вечерам без сопровождения отца выходить в коридор. И я слышал разговоры, что они ищут съемное жилье в деревне.

Я почти не спал по ночам. Воображение рисовало мне эту ужасную картину, как ко мне в двери рвется эта мертвая страшная девка, протухшая и перепачканная сажей.

...Скоро мы уехали. Как-то во второй половине дня к школе подъехали две телеги с лошадьми, молодые колхозные ребята быстро погрузили наш немудреный скарб. Вечеряли мы уже у бабки Марьи Мосяевой.

Я все еще был напряжен, и время от времени меня начинало трясти.

Когда меня укладывали спать, бабушка принесла что-то в кружке.

– На-ко, милой, испей святой водички. Страхи твои и уйдут... – сказала она и перекрестила меня троекратно.

Я уснул.

Но до сих пор, когда проезжаю или прохожу возле этого школьного, уже разорённого гнездовья, какое-то недоброе тревожное чувство рождается у меня в груди...

Софья Курбатова

Липовый цвет

Идея была не Влада и даже не Ивана, все затеяла Галка с исторического факультета. Она рассказала, как прошлым летом ее однокурсники ездили по заброшенным деревням и нашли в пустом доме несколько старинных книг и монет. Какой-то музей выкупил у них эту находку. Но одна книга осталась, в ней описана интересная история о том, что эта книга, если попадет в чужие руки, может оживить проклятие, и весь народ, проживающий в той деревне, погибнет страшной смертью.

– Деревня эта давно пустая стоит. Ни одного жилого дома, ни одного живого человека. Но там обязательно должны быть старинные вещи и книги. А это здорово и интересно! – уверяла Галка. Влад и Иван легко согласились на эту поездку, потому что оба были влюблены в Галку. Побывать наедине с Галкой, да еще несколько дней подряд, было слишком заманчиво для обоих. Каждый из молодых людей считал себя фаворитом и не брал в расчет другого.

Иван был хорошо сложен, эрудирован, любил остроумные шутки и анекдоты. Шансов покорить сердце Галки, по его мнению, у него было больше, чем у Влада. Влад по внешним данным проигрывал уверенному в себе Ивану, но был напо-

рист и везуч.

Когда они выбыли из столицы и считали километры по дорогам Орловской губернии, Галка никому не отдала предпочтение. Она была одержима самой идеей, лезла в каждый угол и проверяла каждую щель в ветхих заброшенных строениях, ребята ее будто бы не интересовали. Но оставаясь наедине, каждому из них бросала многообещающие взгляды, тем самым подогревая интерес к себе, а не только к поездке.

– Ну что, заходим в этот дом? – сказала Галка, рассматривая в крошечное зеркальце свой макияж. – Смотрите! Здесь даже название улицы сохранилось – Липовая. Странное название.

– Что здесь странного? Смотрите, какие липы растут. Огромные, старые деревья и еще цветут. Дом выглядит жилым, даже ставни открыты, – констатировал Иван, толкая покосившуюся калитку. С сухим треском калитка развалилась на отдельные штакетины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.